

П. К. ГУБЕР

Судьбы Третьего Рима

I

Первый Рим основали бандиты на берегах Тибра.

Второй — из малозначительного провинциального города на Босфоре обратился в столицу тогдашнего мира по эдикту христоролюбивого императора, в ознаменование торжества новой вселенской религии над обособленными религиозными культурами древности.

Третий Рим возник тихо и незаметно на том месте, где стояли села боярина Кучки¹.

Далекая, варварская Московия, недавняя добыча татарских баскаков, царство снегов и метелей, незнакомое музам... Как изумился бы надменный европейский гуманист XVI столетия, если бы ему сказали, что деревянный городок, затерянный в лесах севера, может сравниться со старым, подлинным Римом императоров и пап.

Однако то был действительно «Рим», т.е. город мирового, а не только местного, племенного значения. С каждым истекающим веком это становилось все яснее.

От собирания древних уделов к завоеванию окраинных азиатских царств, от долгой и зачастую несчастливой борьбы с Польшей и со шведами, осевшими в Эстонии и в Финляндии, — к решительному вмешательству в западноевропейские дела; через невежество, дикость, нищету, через свирепое тиранство своей домашней власти, грабительство царских воевод и Петровских комиссаров, через закабаление труда, стеснение личности, собственности и пренебрежение к закону — пролегла историческая колея, по которой шли зиждители Третьего Рима.

При Петре Великом происходит радикальное изменение всех внешних форм культуры. Ни один народ не знал такого резкого разрыва со своими исконными традициями. После Петровского погрома — что

уцелело от богоизбранного Третьего Рима, о котором писал в своем послании старец Филофей²? «Благодатный закон» старины был низвергнут, а на его место стал новый «ратный закон».

Но каждая жизнеспособная историческая идея, применявшихся обстоятельствах, может быть выражена в других, зачастую обратных терминах, нисколько не измену при этом своей истинной сущности.

В Петербургский период русской истории римское начало, мало кому понятное в теории, находит внешнее про, явление в целом ряде признаков. Московский царь приемлет титул императора, и после Полтавы это уже никого не удивляет. Столетие спустя русские войска совершают парад на Марсовом Поле в Париже, и православные попы служат молебн на площади³, где скатилась голова Людовика XVI⁴.

К этому времени владения новой империи занимала шестую часть суши, и уже можно было сказать, что Россия не простое государство, но особая часть света, «круг земель», несравненно больший того, который некогда ограждался щитами римских легионов.

Бесчисленное многообразие племен и ступеней цивилизации в пределах единого целого, Европа и Азия, дикость и утонченная культура, породившая Пушкина, славное прошлое и будущее, исполненное необъятных надежд...

Но странное дело: в эпоху наибольшего международного преобладания своей родины русские люди, и притом самые образованные, чуткие и отзывчивые из них, начинают словно стыдиться российского государственного величия. С царствованием Николая Павловича⁵ связаны истоки этого умственного течения, которому наперерыв стремятся служить виднейшие представители русской литературы, сперва невольнo и бессознательно, а потом и с полным разумением...

Начиная с сороковых годов, все принадлежащее государству и его иерархии приобретает отпечаток чего-то комического. Генеральские лампасы и камергерский ключ в понимании современников становятся чуть ли не опереточными реквизитами. Честолюбивые люди еще продолжают добиваться этих отличий, но уже никто не относится к ним вполне серьезно.

Это, разумеется, мелочь, но она характерна, как признак внутреннего неблагополучия, причину и сущность которого даже нельзя сразу уловить. Ибо не отдельные злоупотребления, не устранимые недостатки, а самый принцип государства подвергается отрицанию.

Со середины столетия, каждый раз, когда русская общественная мысль получает возможность выаявиться совершенно свободно, она,

в своем диалектическом развитии, неизбежно приходит к отвержению государства.

Герцен — эстет и немного ритор — сходится здесь с моралистом Толстым, непризнающим никакой риторики. Достоевский и Соловьев мечтают растворить государство в теократии. Чернышевский с семинарской основательностью размышляет о преобразовании Российской Империи в ассоциацию свободных трудовых общин. Тургенев⁷ ни о чем не мечтает. Он скептик в отношении всех утопий; но и для него русское государство только пьяный великан, который храпит со штофом в руках, «лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ».

Некрасов⁸ плачет над горькой участью русского народа, раздавленного железной пятой государственности. Щедрин⁹ саркастически хохочет: Третий Рим! Это не Рим, а смрадный Глухов¹⁰, стоящий на семи грязных лужах, непросыхающих вовек.

Сомнение Чаадаева, юмор Гоголя, прекраснодушие первых славянофилов¹¹, идеализм Белинского¹², анархизм Бакунина¹³, нигилизм Писарева¹⁴, субъективный метод Михайловского¹⁵, марксизм Плеханова, грусть Чехова, романтический индивидуализм Блока и все другие бесчисленные интеллигентские «измы» служат одной цели, кем-то таинственно намеченной. Умственный и нравственный уклад русского образованного класса накануне революции представлял собою естественный итог всех этих мощных отрицательных влияний. Конечно, идеологи государственности встречались и в России. Но — Боже мой — до чего они малочисленны, слабы, непопулярны и даже просто непонятны большинству. Излагая свои взгляды, они вынуждены начинать с азов, разъяснять простейшие истины, которые в других странах кажутся самоочевидными. Но в России ни о чем подобном не желают и слышать.

Катков¹⁶ — реакционер-практик — его ненавидят; Чичерин¹⁷ — либеральный доктринер — над ним смеются; Леонтьев — романтик и мистик — о нем вовсе не знают.

В течение многих лет интеллигенция была сердита, да не сильна. Государственный организм империи являлся фактом и, в качестве факта, временно значил гораздо больше, нежели все теории. Самым процессом своего существования государство создавало себе слуг. В армии, в бюрократии вырабатывались и получали нужный закал характеры, одаренные способностью управлять и властвовать. Порой деятели этого склада не были людьми просвещенными в общепринятом значении слова. При сложившихся обстоятельствах это отчасти составляло их силу, так как специфически русское просвещение было несовместимо с государственным искусством высокого стиля.

Класс, выработавший это просвещение, эту своеобразную и по своему очень ценную, но одностороннюю и не достаточную умственную культуру, был невелик. Глубокая бездна отделяла его от преобладающей массы населения.

Тотчас же за тонким слоем господ начиналось простонародье, к которому еще за одно поколение до нас принадлежали даже богатые купцы. Простонародье было почти безграмотно, но все же нельзя, без всяких оговорок, назвать его вполне некультурным. В деревнях и в уездных городах люди жили обломками старой, главным образом московской, допетровской культуры. Неумение читать и застарелая классовая антипатия к барам служили достаточными предохранителями против интеллигентских влияний.

В настоящее время, под свежим впечатлением революционной катастрофы, принято утверждать, что русский простолюдин был темен и дик и, благодаря дикости своей, глубоко равнодушен к государству, которое требовало от него только податей и рекрут, ничего не давая взамен. Это исторически неверно.

Напротив, русскому народу, или, точнее, великорусскому племени, по-видимому, прирожден твердый государственный инстинкт. Об исконном бунтарстве русского народа мы достаточно слышали за последние годы. Для восстановления правильной исторической перспективы не мешает вспомнить о столь же исконном *таланте повинования*, о котором Карлейль писал Герцену в письме, посвященном русским делам.

Господствующие классы не могут долго сохранять свое положение, не создавая соответственной идеологии. И простой народ нельзя навеки оградить от воздействия выше лежащих социальных слоев. К концу столетия обнаруживается быстрое вырождение и измельчание русской правящей среды. А интеллигентское мировоззрение, искаженное и упрощенное, просачивается в народную толщу.

Третий Рим в его Петровском, петербургском обличье простоял почти непоколебимо до самого 1917 года. Но только сила исторической инерции поддерживала его. Испытания огнем Великой Войны¹⁸ он не выдержал.

Сейчас же после Февральского переворота выяснилось, что решительно все группы населения ставят свои обособленные интересы и пожелания выше интересов государства. Во имя партии, во имя класса, даже во имя отвлеченного идеологического принципа казалось возможным приносить жертвы. Но государству никто не хотел чем-либо жертвовать, и таких жертв даже требовать не решались. Эпоха Временного Правительства останется в этом смысле навеки

незабвенной. Опыт толстовской, не противящейся злу государственности был проделан до конца, и на костях Святой Руси возникла Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, государственная организация без Бога, без исторических преданий, даже без национально-государственного эгоизма. Кремль московских царей стал цитаделью Коминтерна. И простым курьезом могло показаться это совпадение цифр: вместо Третьего Рима — Третий Интернационал.

II

Однако нашлись люди, которые решили, что если это и совпадение, то во всяком случае знаменательное, заключающее в себе некий намек со стороны самой судьбы. Эти люди, по большей части активные участники гражданской войны и, еще недавно, — ожесточенные, непримиримые враги Советской власти, заявляют о своем решении прекратить борьбу и зовут к тому же зарубежную, эмигрантскую Россию.

Просят не думать, что в лице авторов «Смены вех» мы имеем шесть Савлов, которые внезапно стали Павлами, узрев в чудесном наитии светоносный образ коммунистического идеала. Их нельзя смешивать с вульгарными прозелитами, спешащими с особым усердием не только сжечь, но и оплевать то, чему поклонялись недавно. Нео-вехисты не изменили своим основным принципам. Они лишь убедились, что, в силу радикального изменения внешней обстановки, принципы эти должны быть поставлены в зависимость от совсем других реально-исторических сил.

Ход истории иррационален. Не в том смысле, чтобы он вообще был непостижим для разума, а в том — что связь исторических событий совершается по другому закону, нежели сцепление привычных рассудочных категорий. Оттого так часто наблюдается в истории несоответствие между сознательно поставленными целями и фактически достигнутыми результатами. Фея Иллюзия, коварная Ли-Лю-Ли, ведет за собой человечество. Самые мудрые и прозорливые не застрахованы от ее обманов.

И еще: совокупность объективных исторических данных бывает сильнее отвлеченных теорий. Здесь не выдерживает никакой фанатизм, никакое упрямство. Цвет знамени не определяет собою содержания возглавляемых им интересов. Напротив, есть могущественные, стихийно действующие интересы, способные использовать любое знамя.

Нужны ли иллюстрации для этих истин? Их не трудно найти в нашем недавнем прошлом. Белогвардейский бунт против революции

был начат во имя великодержавия, патриотизма и восстановления гражданского правопорядка. Но средства, которые пришлось пустить в ход, оказались в фатальном противоречии с желаемой целью. Для объединения расчлененной России был заключен союз с новыми окраинными государствами, т.е. с самыми жестокими и опасными врагами русского великодержавия. Патриотический максимализм привел к закабалению белой России иностранцам и к унижительному рабству перед Антантой. Борьба за реставрацию правового государства повлекла за собой невиданный разгул анархии, белую Пугачевщину, узаконенное всесилие бандитов высокого ранга, подобных Семенову¹⁹, Булак-Балаховичу²⁰ и Анненкову²¹, изумившему своими злодействами даже китайских хунхузов²². Идейные вожди белогвардейщины стали жертвами Ли-Лю-Ли²³.

Но и победители не избежали ее сетей. Во имя всеобщего вечного мира они создали сильную армию. Во имя революции реставрировали твердую власть. Пугачеву поставили памятник, но пугачевские элементы в современной русской жизни стали истреблять без пощады. И во имя Интернационала возобновили традиционную международную политику России.

Последнее кажется всего удивительнее. Идея всякого Рима непременно предполагает признак универсальности. Языческий Рим цезарей, и средневековой папский Рим, Рим Византийских василевсов²⁴ в эпоху своего расцвета, и Священная Римская империя Германской нации, и монархия Наполеона (равно, как и современная Британская империя) были сверхнациональным и даже, если угодно, *интернациональны*. Это не исключается тем обстоятельством, что некая определенная народность занимала в государстве первое место, отождествляя свои национальные задачи с его задачами.

Тем не менее, империя, как таковая, всегда представляет собою не один народ, но конгломерат народов, таящий в себе тенденцию к бесконечному расширению. Эта тенденция находит свой предел во внешних условиях, но никак не в самой идее империи. Здесь тот же завет, что в Интернационале: «Да будет едино стадо и един пастырь».

А затем вспомним, в какой исторический момент мечта красного Интернационала овладела Россией.

Развалилась старая русская государственность. И все малые народы, дотоле довольно мирно уживавшиеся под сенью двуглавого орла, с болезненной торопливостью нагнали самоопределяться.

Не только поляки, эсты, финны, литовцы и кавказцы вступили на этот путь. Туда же повлеклись украинцы, белоруссы, киргизы, чувашаи. Даже казаки и сибиряки вообразили себя особыми нациями.

Лишь одно племя не было охвачено зудом национального самоопределения. То были великороссы, те самые, что в течение стольких веков строили, защищали, расширяли империю²⁵.

Какие только укоризны ни посыпались тогда на русского мужика за недостаток национального самосознания!

Как усердно старались пробудить в нем национальный дух газетными статьями и речами на митингах!

Русский мужик и русский рабочий остались глухи ко всем этим призывам. Конечно, тут сыграло свою роль пресловутое шкурничество и животное равнодушие к общему благу. Но теперь, при взгляде назад, невольно начинает казаться, что преобладающее значение принадлежало не этим низменным, хотя общечеловеческим свойствам, а тому темному, но безошибочному государственному инстинкту, о котором упоминалось выше.

Быть может, это и ошибка. Однако обстоятельства сложились впоследствии таким образом, как будто не стихийное торжество утробных appetитов, а дальновидный политический расчет руководил массами, повалившими за лозунгом Интернационала в октябре 1917 года.

Русской армии тогда не было; правительства — в точном значении слова — еще не существовало. На русской земле стояли победоносные немцы, а на окраинах кипела работа самоопределения.

Можно ли было при таких условиях противопоставит, русский национализм национализму хотя бы эстонскому или латышскому?

Разумеется, нет, ибо великорусский национализм мог быть навязан эстам и латышам только посредством сила которой не имелось в наличии. Если еще существовал идея, способная сохранить единство распадавшейся империи, то это была идея Интернационала. И потому нельзя, без всяких оговорок, корить и унижать великоросса за его готовность перейти из калужских крестьян или колпинских мещан прямо в число граждан будущей Всемирной Республики.

Этой республики мы еще не видали. Зато под знаком Интернационала были возвращены в состав России Украина, Крым, Кавказ, Туркестан. Красное *русское* знамя развевалось одно время над Гельсингфорсом²⁶, Ригой и Вильной. Оно поднялось бы и над Варшавой, если бы не помешали белогвардейцы. Не мое дело разбирать стратегические операции. Но я не могу забыть, какое количество жертв человеческих и материальных поглотила гражданская война. Если бы все те силы, которые столь бесплодно погибли с обеих сторон в междоусобной борьбе, были направлены для объединения России еще в 1918 году, когда немцы только что ушли, а окраинные государства еще не успели укрепиться, — то благоприятный

для России результат не подлежит сомнению. Интернационалисты могли и хотели — пусть для своих собственных целей — восстановить Россию. Патриоты помешали им довести это дело до конца.

Авторы «Смены вех» сознаются, что они слишком поздно поняли свою ошибку. Упущенного не воротишь. Во всяком случае не следует упорствовать в старых заблуждениях. Обстоятельства таковы, что Советская власть, и теперь только она одна, может осуществить задачи русского великодержавия.

«Испытания последних лет с жестокой ясностью показали, — говорит проф. Н. В. Устрялов, — что из всех политических групп, выдвинутых революцией, лишь большевизм, при всех пороках своего мрачного и тяжкого быта, смог стать действительно русским правительством. Лишь он один, по слову К. Леонтьева, “подморозил” загнившие воды революционного разлива и подлинно

Над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию вздернул на дыбы²⁷.

Новая власть рано или поздно восстановит Россию в ее прежних пределах. “Советское Правительство естественно добивается скорейшего присоединения к “пролетарской революции” тех мелких государств, что подобно сыпи высыпали на теле “бывшей Российской империи”. Это линии наименьшего сопротивления. Окраинные инородцы слишком заражены русской культурой, чтобы не усвоить и последний ее продукт — большевизм. Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же во имя великой и единой России. При всем бесконечном различии идеологий практический путь един».

Но не одни государственные эфемериды, кольцом охватившие русскую границу, должны опасаться красной Москвы. Сама Антанта, полновластно распоряжающаяся на всем земном шаре, встречает непривычный для нее отпор со стороны новой мировой силы, возникшей на русской территории. «Красная армия довлеет себе и не зависит от знатных иностранцев. Над Советской Россией не тяготеет рок “верности верным союзникам” и ее международная политика обладает счастливым свойством дерзновения и, одновременно, гибкости...».

«Достигшим невиданной внешней мощи, вооруженным до зубов странам Согласия теперь гораздо более опасны бациллы внутреннего колебания и волнения, нежели чужеземная военная сила... Нынешние мировые гегемоны, покорившие человечество, вдруг начинают с тревогою ощущать в своем собственном организме признаки расслабляющего яда своеобразной психической заразы. При таких условиях большевизм, с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями, становится ныне прекрасным орудием международной политики России, и слепы те русские патриоты, которые хотели бы в настоящий момент видеть страну лишенной этого орудия».

«Правительства Европы должны прислушиваться к голосу Москвы, — продолжает ту же мысль Ю. П. Потехин. — Проходит пора, когда Россия служила целям III Интернационала, III Интернационал начинает быть сильным ору дием в достижении национальных целей России. Нигде не выразилось так отчетливо, как на Востоке. Коммунизм в магометанских странах — несбыточная мечта, навязчива, идея. Но русское влияние в Малой Азии, Персии, а отчасти и в Индии, русская радиостанция и русские военные инструкторы на “крыше света” в Афганистане — реальный факт, крупное историческое достижение России».

Сам собой напрашивается эффектный заключительный аккорд:

«Над Зимним Дворцом, вновь обретшим гордый облик подлинно великодержавного величия, дерзко развевается красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую историческую и национальную святыню, древние куранты играют “Интернационал”. Пусть это странно и больно для глаза, для уха, пусть это коробит, но в конце концов, в глубине души, невольно рождается вопрос:

— Красное ли знамя безобразит собой Зимний Дворец, или, напротив, Зимний Дворец красит собою Красное Знамя? Интернационал ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские Ворота, или Спасские Ворота Кремлевским влиянием влагают новый смысл в Интернационал?».

Так говорит проф. Устрялов. И, полагаю, надо признать, что мнение Н. В. Устрялова и его товарищей в самом деле похоже на правду.

Великодержавная политика советской власти есть несомненный и уже давний факт. Поэтому весьма грешны перед родиною те, которые стремятся этой политике мешать из слепой ненависти к большевизму.

Но голый факт, насколько можно судить, еще никак не оправдан в глазах именно тех людей, чьими руками он создается и поддерживается. Скажу еще раз: в данном случае преобладающую роль играет, во-первых, темный инстинкт и, во-вторых, неотразимое давление внешних обстоятельств. Согласившись на новую экономическую политику, нынешняя власть доказала свою готовность считаться с требованиями реальной действительности. В этом залог ее жизнеспособности и внутренней эволюции, конечных итогов которой в настоящее время нельзя себе осязательно представить. Здесь возможны самые неожиданные, почти чудесные метаморфозы.

Все пути ведут в Рим. Поэтому нельзя удивляться, что и дорога немедленного коммунизма сделала в конце концов поворот в сторону Третьего Рима. За буквами Р. С. Ф. С. Р. промаячили, как в тумане, древние литеры S. P. Q. R.²⁸ — инициалы Сената и народа Римского.

Но длинна, очень длинна эта дорога, и много ухабов, выбоин, даже умышленно вырытых поперечных рвов имеется на ней. Идти придется долго и в слякоти, и под жгучим зноем. И еще неизвестно, доведется ли людям нашего поколения увидеть конец пути.

